Глава 1

Я сидел возле костра и, улыбаясь приятным мыслям, смотрел на огонь. Не зря говорят, что на пламя никогда не надоедает смотреть. Ну да, полностью с этим согласен, не поспоришь! Постоянная смена форм и оттенков не «замыливает» глаз и расслабляет уставший от ненормальной городской жизни мозг. Я вздохнул, отвёл глаза от костра и посмотрел на замершую под вечерней дымкой гладь озера. Вода казалась тёмной и совершенно неподвижной, как стекло. Даже рябь на поверхности от всплеснувших ненароком окуньков не разбегалась по её зеркалу, а быстро тонула, словно не хотела тревожить своим движением разлитую над лесом вязкую тишину.

Ага, вот, кстати, и окуньки вспомнились! Встав со своего необычного кресла, я присел рядом с костром и, приподняв палочкой нагревшуюся дужку котелка, стоящего сбоку от костра на угольках, перехватил её верхонкой и отставил котелок подальше от костра! Всё, ушица настоялась, извольте употребить! И я, пуская слюни от предвкушения, поставил перед креслом чурочку и водрузил на неё котелок. Тарелка мне была не нужна, я здесь жил один и поэтому мог позволить себе такую роскошь, как хлебать прямо из котла! В одно, так сказать, рыло! Что я, собственно, и сделал, опять опустившись в необычное кресло перед чурочкой и вооружившись деревянной ложкой.

Я, обжигаясь, хлебал уху, состоящую только из картошки и лука, который я поместил в котелок в виде целой головки, и собственно нескольких окуньков. Хлебал и, как всегда, думал о том, откуда у нашей компании, облюбовавшей это место, пошла мода на деревянные ложки. Как всегда, не смог вспомнить и переключился на кресло, на котором сейчас сидел. Один из моих приятелей, приезжающий сюда отдыхать, дружит со

своими руками в плане того, что может ими смастерить что угодно. Вот он и сподобился пару лет назад, изготовил из большой чурки, у которой после того, как она в виде дерева была спилена и упала, образовалась своеобразная спинка из-за не полностью перепиленного ствола. И теперь это кресло, анатомической, можно сказать, формы, с высокой и удобной спинкой, радовало моё заднее место!

Уха закончилась. Я побродился в пустом котелке ложкой, ничего в нём не обнаружил и, как всегда, поражаясь собственной прожорливости, довольно откинулся на спинку. Ну вот, сейчас чаёк со смородиновым листом и мятой настоится, приму пару кружечек и потопаю спать!

Стемнело окончательно, лес почернел, увеличился и, подступив почти вплотную к костру, замер, присматриваясь к человеку. Ему было непонятно, что́ этот мелкий человечишка здесь делает в такое время, почему он ещё не убежал назад, туда, откуда пришёл! Ему надо жить там, среди ярких огней, убивающих своим неумолимым светом всё живое.

Наступило время тишины, даже лес, перестав обращать на меня внимание, замер и не издавал ни звука. Но я знал, что немного позднее оживут те, кто создан для жизни в темноте, для кого она является другом и кормилицей, и послышатся их голоса, и лес очнётся и начнёт шуршать и трещать ветками. А сейчас ушли те, кто жил при свете, но ещё не пришли те, кто живёт в темноте. Ну что же, пора и мне прятаться. Я с удовольствие зевнул и потопал в домик спать!

Несмотря на то, что спалось хорошо, проснулся я рано, повалялся немного в кровати, но, поняв, что больше не усну, поднялся и, накинув на плечи куртку, вышел из домика. Постоял, просыпаясь окончательно, потом обошёл дом, проверил, всё ли в порядке, а то ночное зверьё иногда, знаете ли, чудит. Потом, по устоявшейся привычке, прямо в трусах уселся на крыльцо, подложив под зад приготовленную специально для этого дощечку, и стал смотреть, как туман постепенно втягивается в лес, освобождая от своего присутствия озеро, которое при первом же соприкосновении с солнечными лучами вспыхнуло по берегам яркими искрами отразившегося в капельках росы света.

Дом стоял на полянке недалеко от воды, и по утрам туман скрывал не только озеро, но и живыми белёсыми щупальцами подбирался вплотную к домику, нагоняя зябкую дрожь на тело. Я передёрнул плечами и тут же подпрыгнул от неожиданно

хлестнувших по ушам выстрелов! Сначала два выстрела подряд, потом, через некоторое время, ещё три! Я стоял в одних трусах на крыльце и с тревогой вслушивался в лес! Но выстрелов больше не было — тишина! Потом спохватился!

«Вот же блин, а! Сейчас поздняя весна, а это значит, что стрелять в лесу можно только в том случае, если на тебя кто-то нападает!» Я метнулся в дом, сцапал свою «Сайгу», опять вышел на крыльцо и, торопливо снаряжая пятизарядный магазин, стал опять вслушиваться в лес. Ничего! Тихо! Больше не стреляли, и я немного успокоился. А успокоившись, представил себя со стороны и заржал. Стоит, значит, такой гвардеец на крыльце, в одних семейных трусах, по типу «советских», которые я, между прочим, специально по Интернету выискивал! В глазах огонь и презрение к опасностям, в руках ружьё, а на заднице одни трусы! Вороги если не от страха, то от смеха точно загнутся, когда увидят! Но смех смехом, а идти смотреть надо, что там случилось. Мало ли? Да и двадцатилетний опыт службы сначала в милиции, а затем и в непонятной полиции, подсказывал: неспроста всё это!

Долго чаёвничать не стал, выдул чашку кофе, стрескал пару бутеров с тушёнкой и направился в лес, предварительно снарядив два магазина картечью: опять же, мало ли, чем чёрт не шутит?! По моим прикидкам, выстрелы были не так уж и далеко — километр, ну полтора, не больше! Поэтому, зная направление, я не плутал, а уверенно шёл туда, откуда доносились выстрелы, а когда понял, что я уже примерно там, где стреляли, начал внимательно осматриваться, стараясь при этом не шуметь!

Я быстро нашёл что искал, нашёл и выругался!

«Вот же блин! Как же так? Какому же козлу это понадобилось-то?!» С краю небольшой полянки, под старым поваленным деревом, лежала мёртвая волчица и рядом с ней четыре мёртвых волчонка, два из которых были почти пополам разорваны картечью! Волчица была убита двумя выстрелами; я так подозреваю, что она не ушла из логова, не смогла бросить своих детей! А четверо волчат были убиты тремя выстрелами! Я осмотрелся. Ладно, пойдём посмотрим, откуда этих уродов принесло. Определить направление, откуда пришли стрелки, особого труда не составило, наследили они изрядно. По их следам я и добрался до места, где они остановились на чём-то колёсном — скорее всего, такой же квадроцикл, как и у меня! Наткнулись они на волчье логово не случайно, следы вели только туда и обратно, всё,

больше они никуда не ходили! А значит, эти твари целенаправленно шли убивать волчицу и её щенков! Нашли когда-то её логово, а потом пришли и убили! Я не смог определить, сколько их было, но я так подозреваю, что не один! Такие, как они, в одиночку не ходят! Трусливые они один на один-то! Да ещё и с волком!

Я вернулся к мёртвому волчьему семейству, стоял, молча смотрел на трупы животных и не знал, что мне делать! То ли принести лопату и закопать, то ли просто ветками закидать, а может, просто оставить всё как есть. Меня спасло то, что я услышал рычание, вернее, даже не рычание, а какой-то хрип. Резко развернувшись, я увидел, как через полянку на меня несётся здоровенный волк и издаёт этот яростный хрип! Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что сейчас произойдёт! Я, к слову сказать, и не имел! Поэтому отработанным движением вскинул «Сайгу» и дважды нажал на курок. Попасть в волка цели у меня не было, я и не попал! Мне надо было, чтобы он ушёл! Мы поняли друг друга, и зверь, шарахнувшись в сторону, мгновенно скрылся в лесу. А логово ветками я всё же закидал, неправильно это, когда трупы вот так вот, на виду, даже если это звери!

Глава 2

Настроение было испорчено, поэтому, вернувшись к домику, я решил срочно его исправлять, а то как-то нехорошо с гнусным настроением в таком месте жить! А исправить настроение можно только банькой, чем я и занялся. Наша баня представляла собой маленький домик, стоящий совсем уж возле воды, чтобы далеко не приходилось бегать из парилки, а практически сразу же можно было ухнуть в воду!

Баня за пару часов прогрелась, и я с удовольствием отдался приятным обжигающим ощущениям и, развалившись на полке, буквально кожей чувствовал, как хорошее настроение нагло и настойчиво ломится в моё разгорячённое тело! А после того как я, стиснув зубы, с разбегу влетел в воду и заскулил от перепада температур, я уже не думал о мёртвых волках, мне было хорошо! Хорошо до тех пор, пока я не напарился и не собрался идти в дом. Слава Богу, что я не стал с разбегу открывать дверь бани, а, как будто бы почувствовав неладное, посмотрел в щёлочку. А неладное стояло не очень-то от меня и далеко! Волк, которого я отогнал выстрелами, неподвижно стоял напротив двери в дом, куда я, собственно, и собирался вернуться из бани. Чертыхнувшись, я осторожно отступил от двери, предварительно

закрыв её на солидный засов. Вот так влип! У меня с собой ничего, кроме полотенца, не было, и если волчара поймёт, что я здесь, мне хреново будет! Из полотенца оружие так себе, не очень-то и страшное! Даже если я полотенцем с расстояния в метр запулю волку в голову, я его, наверное, даже испугать-то не смогу! Разве что он сам от смеху помрёт, глядя на мою голую задницу! Но, впрочем, я не слишком-то и отчаялся: если что, оторву какую-нибудь доску и пробьюсь к дому. Мужик я здоровый, с волком справлюсь! Однако до этого, слава Богу, не дошло, волк, постояв перед домом ещё минут двадцать, ушёл. А ночью я в течение нескольких часов слушал тоскливый, надрывающий душу волчий вой. Этот волк не пел, он страдал! Он оплакивал своих детей и свою подругу! Которых, как он думал, отнял у него я! Поэтому он и приходил сюда — он меня искал!

О том, что волк начал целенаправленно на меня охотиться, я понял в этот же день. Когда уже стемнело, я, закончив со всеми хозяйственными делами, не желая изменять своей привычке, сидел в кресле возле костра, смотрел на огонь и пил чай, думая сразу обо всём. Но на коленях у меня, наученного банным опытом, уже лежала «Сайга» — так, на всякий случай. Я, конечно, знал, что хищник на огонь не пойдёт, но всё же, всё же...

Это «всё же» произошло, когда я меньше всего ожидал нападения; честно говоря, я вообще не ожидал, что это произойдёт. Волк не должен был нападать в таких условиях, не должен был! Но он напал! В тот прекрасный момент, когда я, допив чай, нагнулся вперёд, чтобы поставить на чурочку кружку, в этот же миг сзади в кресло что-то сильно ударило. Я, не удержавшись в кресле, подался вперёд и чуть не свалился прямо в костёр, однако умудрился удержать равновесие и, перескочив через огонь, быстро обернулся! Рядом с креслом, сдвинутым со своего привычного места, стоял волк и глухо рычал, глядя мне прямо в глаза. Рука у меня против воли дёрнулась, и я чуть было не перекрестился, когда увидел, как в отблесках костра вспыхивают волчьи глаза. Струхнул я, конечно, конкретно, тем более что ружьё, свалившись у меня с колен, теперь лежало на той стороне костра, рядом с волком. Волк рыкнул и одним мощным броском исчез в темноте, а я, осторожно оглядываясь, обошёл костёр и, подняв ствол, дослал патрон в патронник, одновременно с этим отгоняя совершенно дебильную мысль о том, что было бы, если бы волк схватил и утащил у меня ружьё. Представив, как волк тащит мой ствол к лесу, я не выдержал и истерически расхохотался.

Поняв, что с расслабленными посиделками у костра пора заканчивать, я переместился в дом. И только потом, по прошествии какого-то времени, понял, как мне повезло. А когда понял, сам себе дал слово, что как только вернусь, поставлю за здоровье приятеля, сотворившего такое чудо, как наше кресло, свечку! Ну, или хотя бы бутылку! Меня спасла спинка изготовленного приятелем кресла, мощная, толстая спинка, на которую так удобно было опираться спиной. Волк, кинувшись сзади на меня, просто не понял, что перед ним не моя шея, а деревянная спинка, в которую он с разбегу благополучно и врезался, вытряхнув меня с насиженного места! Перед тем как лечь спать, я обошёл дом, закрыл ставни и как следует запер дверь, для надёжности подперев её ещё и лавкой, которая стояла возле стола и заменяла сразу же три стула.

Волк пришёл ночью. Сначала он выл возле леса, словно вызывал меня. Потом переместился ближе и порыкивал, нарезая вокруг дома круги. Я молчал и не отвечал ему, а то ещё в раж войдёт, так и вообще не уйдёт, и тогда мне придётся его пристрелить, а этого я очень не хотел. Он ушёл под утро, и я, дождавшись, когда туман рассеется и уже ничего не сможет скрыть, собрался и, загрузив нехитрыми шмотками свой квадроцикл, поехал домой. Отдых эта зараза мне испортила!

Прошло уже дней десять, как я вернулся из леса, и жизнь вошла в привычную колею. Я уже успокоился и даже подзабыл про встречу с волком, пока мне не позвонил Николаич и не спросил, как там себя наше место чувствует. Вспомнив свой неудачный отдых, я попросил его зайти ко мне.

Николаича я знал давно. Когда я ещё в советские времена пришёл на работу в милицию, он уже работал там водителем. Время шло, я поднимался по служебной лестнице, пока не добрался до начальственного кабинета, а Николаич, получив наивысшее в его ситуации звание прапорщика, так и остался водителем. Но дружеские отношения между нами не прервались, тем более что наши жёны между собой тоже дружили.

Николаич зашёл в кабинет, огляделся и, поняв, что я один, прошёл и уселся за стол, пристыкованный к моему, чем создавал стогую официальную композицию в виде буквы «Т».

— Здоро́во! Что-то у тебя голос какой-то напряжённый был! Случилось чего? — спросил приятель, с удовольствием откинувшись на спинку неудобного стула.

— Для начала ответь, пожалуйста, мне на один вопрос, а то я всё спросить забываю,— уставился я на Николаича.— Как ты умудряешься с таким удобством расположиться на таком неудобном стуле?! Спинка у этих стульев кошмарная, она, по-моему, имеет отрицательный наклон и давит на спину! А у тебя морда довольная!

Николаич засмеялся.

— А ты вот, к примеру, сколько в этом кресле сидишь? Года три? А до этого у тебя сидячая работа была? Нет! — ответил он сам себе.— Ты со своими операми бегал! Нет у тебя опыта сидячей работы, поэтому и со стульями ты не дружишь. А я сижу, сколько себя помню! В школе сидел, в армию пошёл — тоже за баранкой сидел, пошёл в милицию после армии — тоже сижу!

— Понятно,— кивнул я.— Значит, поэтому ты такие удобные кресла делаешь?

— А то! — засмеялся Николаич.— И поэтому тоже.

— Кстати, вот насчёт твоего кресла,— пробормотал я.— Жизнь оно мне, знаешь ли, спасло! Поэтому выбирай: или свечку за твоё здоровье, или пузырь!

— А что тут выбирать-то? — удивился Николаич.— Если водочка добрая, то, конечно, её, родимую!

Я кивнул.

— Может, расскажешь, что случилось-то, если не секрет, конечно? — полюбопытствовал приятель.

— Да нет, не секрет, наоборот, узнать бы об этом побольше надо!

И я подробно описал ему свои «тёрки» с хищником.

— Если бы не ты рассказал, я бы, наверное, не поверил,— задумчиво протянул Николаич.— Нехарактерно это для волка, не ведут они себя так!

— А ты, я так понимаю, тоже собрался туда?

— Ну да, собрался и откладывать поездку из-за этого бандита не собираюсь.

Я опять кивнул.

— Ты вот что, прямо сейчас садись и пиши рапорт на постоянное ношение ствола,— распорядился я.— Там ходи всегда с ним, от греха подальше! Да и свою «помпу» не забудь.

Николаич спорить не стал, хотя ствол носить и не любил.

— И ещё! Чуть не забыл самое главное! — уже строгим голосом сказал я.— Я там окуньков наловил и в сенях вялиться

развесил, так что ты смотри все их не сожри, мне привези немного, они уже должны были дойти до нормы!

Глава 3

Николаич уехал отдыхать. Я подписал ему отгулы в счёт отпуска, и он со своими двумя сыновьями загрузился в свой «уазик» и укатил. На их счёт я не переживал, детей он вырастил здоровенных, они и медведя-то, если вдвоём будут, затопчут, а тут какой-то волк. Справятся!

Прошло уже три дня, как приятель с сыновьями уехали к озеру, он звонил каждый день, но у них там ничего интересного не происходило, волка они не только не видели, но даже и не слышали. «Ну и слава Богу! — подумал я, в очередной раз переговорив с Николаичем по телефону.— Может, он, в конце концов, успокоился и ушёл?! Или какую другую волчицу встретил!»

Рабочий день закончился, всё вроде бы было в порядке, можно и домой. Я замкнул кабинет и потопал на выход, по пути кивнул маячившему за стеклом «дежурки», дежурному офицеру и вышел на улицу. Погода была отличная: начало лета, тепло, сухо, нежарко! Красота! Это потом, в июле, приползёт жара и начнёт своей душной и липкой массой клонить к земле деревья и превращать в зыбкое марево воздух. И радоваться такой погоде будут только дети, которым в эту жару, можно сказать, на законных основаниях можно будет хлюпаться в фонтанах!

Домой ехать не хотелось, семейство моё разъехалось на лето по родственникам, бросив меня одного на произвол судьбы. Я потоптался возле своей машины, раздумывая, чем бы заняться, а потом, купив бутылку воды в магазине, который находился рядом с отделом, поехал на аллею: посижу там, может, кого знакомого встречу, поболтаем. Эта аллея называлась Аллеей ветеранов, она растянулась вдоль нашего городка почти на километр. Примерно посредине на ней были установлены стела с орденом «Победа» на самом верху и пара гаубиц. Вся аллея была выложена брусчаткой, обсажена кустами, которые периодически подстригались, и на всём её протяжении стояли удобные скамейки. Припарковав машину в начале аллеи, ну, или в конце, это уж кому как нравится, я выбрал самую удобную, на мой взгляд, лавку, уселся на неё, напился прохладной, не успевшей ещё нагреться в бутылке воды и, удобно откинувшись на спинку, стал осматриваться.

Народу на аллее было уже достаточно много, в основном это были молодые мамы с колясками и мамы без колясок, у

которых дети уже могли носиться самостоятельно. По случаю тёплой погоды мамы были одеты в лёгкие платья, и я, чего греха таить, с удовольствием поглядывал на их ножки, особенно когда они наклонялись над колясками! В самый разгар этого моего «грехопадения» я краем глаза заметил, как недалеко от моей скамейки из кустов вышла большая собака и уставилась на меня. Я мельком глянул и машинально отметил, что на ней нет намордника. Непорядок, собака большая, намордник должен быть! Собака медленно пошла в мою сторону, я посмотрел на неё и так же медленно встал со скамейки. Какая, к чёрту, собака! Я только сейчас понял, кто это! Волчара, собственной персоной, вот он, нарисовался — хрен сотрёшь! Я узнал его!

Мне показалось, что зверь понял, что я его узнал, потому что он сразу же рванулся ко мне, опять издав рык, похожий на хрип. Понимая, что не успеваю вытащить пистолет, я, как в молодости, лихо перескочил через скамейку и присел за её спинкой. Волк, видимо, не успевая затормозить, заскочил на сиденье и перемахнул через спинку, буквально пролетев надо мной. Пока он приземлялся и разворачивался в мою сторону, я опять, как сайгак, лихо перекинулся через скамейку, но уже в другую сторону, и, вытащив пистолет, прицелился в него. Волк замер, как будто понимая, что он облажался и уже я стал хозяином положения! Оскалившись, зверь постоял ещё несколько секунд, а потом одним броском достиг кустов и исчез в них. Я судорожно оглянулся и, осознавая, что уже стал объектом внимания не только этой твари, но и случайных свидетелей, спрятал пистолет и опять уселся на скамейку. Мыслей вообще не было никаких, только сердце судорожно трепыхалось в груди и подрагивали руки, когда я опять приложился к бутылке с водой и одним махом осушил её! Господи! Страшно-то как, а!

Минут через пять, уняв наконец-то дрожь в руках, я огляделся. Вроде всё в порядке, гуляют женщины, орут дети, всё как всегда, кроме одного... Сюда приходил волк, у которого кто-то убил его детей! И вот тут мне по-настоящему стало страшно! А что, если он решит начать убивать детей того, кто расправился с его семьёй?! Вернее, он просто начнёт убивать человеческих детёнышей! Мстить! Эта идиотская мысль, пришедшая в мою голову, была настолько дикой и ненормальной, что я нервно хохотнул, встал и начал осматриваться! Ну а что?! Выследил же он как-то меня, ждал, когда я появлюсь. Как он добрался до города, я уже понял: он, скорее всего, просто бежал за мной, а

так как на лесной дороге не очень-то и разгонишься даже на квадроцикле, волк мог даже и не терять меня из вида до самого города. А потом он меня просто ждал, ждал на окраине, ждал, когда я появлюсь, и дождался: я послушно пришёл! Это была, конечно, случайность, но всё равно мистика какая-то!

Я позвонил дежурному, поставил перед ним задачу по охране этого участка аллеи, так как именно он почти примыкал к лесу! Аллею надо было охранять от всех собак, представляющих опасность для детей, до тех пор, пока на аллее будет хоть один ребёнок. Дождавшись наряда ППС, проинструктировал их и поехал домой. Что мне надо делать, я уже примерно знал.

Глава 4

На следующий день, прямо с утра, я уже гнал по лесной дороге к нашему домику, но не слишком-то и усердствуя. Перед тем как направиться в лес, я минут сорок колесил по лесу возле аллеи в надежде на то, что волк меня увидит. И он увидел; по крайней мере, мне хочется верить в то, что собака, мелькнувшая среди деревьев,— это именно он. По крайней мере, я надеюсь на это! Доехал до озерка спокойно, по дороге волк мне на глаза не попадался, и я забеспокоился, что он мог и не побежать за мной. Николаич очень удивился, увидев меня, и когда я загнал свой «квадрик» под навес и наконец-то сполз с него, он озабоченно спросил:

— Ты, Сань, чего такой заполошный? Чё припёрся-то? Случилось чего-то?

— Случилось,— пробормотал я.— Подожди, сейчас расскажу!.. Спину вот только на твоём кресле пристрою и расскажу!

И я направился к костру, возле которого на бревне сидели его сыновья и что-то пили из кружек.

— Что лакаете? — спросил я, подходя к ним и усаживаясь в кресло, со стоном распрямляя по его спинке уставшую после квадроцикла спину.

— Травы заварили! Налить, дядь Саш?

— Наливай!

Я прихлёбывал терпкий напиток и рассказывал, рассказывал подробно, стараясь не упускать мелочи: чем больше будут знать, тем лучше, это я по своему опыту знал! Дело пойдёт, когда выяснишь всё до мелочей, и чем больше этих мелочей, тем яснее картинка! Когда я закончил рассказывать, младший сын Николаича Егор вытащил из кармана сотовый и озабоченно сказал:

— Домой надо позвонить, мои часто там гуляют!

— Не надо никуда звонить...— хриплым шёпотом сказал вдруг Николаич и уставился мне за спину, вытаращив глаза.

Я уже понял, кого увидел приятель, и, не поворачивая головы, спросил:

— Пришёл?

Николаич кивнул и так же шёпотом ответил:

— Пришёл! Наконец-то сподобились увидеть! Прям рады до невозможности!

А потом я, невзирая на близкое присутствие волка, натопил баню: зря, что ли, приехал? — и мы напарились! По очереди, по двое! Двое парятся, двое охраняют! Волк, видимо, понимал, что во время такого мероприятия, как баня, толпу голых мужиков лучше не злить, не нервировать их, поэтому и никак себя не проявил. А вот ночью он бродил по кромке леса и выл, а так как в него раза три стреляли, к дому он уже не подходил. В общем, ночью нам не спалось!

На следующий день утром, когда все собрались возле костра, Николаич спросил:

— Я так понимаю, что мы на него охотиться будем?

— Точно, будем, если вы, конечно, не против!

— Да мы-то не против! Но вроде как и запрещено в это время!

— Я знаю! И буду откровенно рад, если вы сможете предложить какой-нибудь другой вариант!

Николаич задумался. Я его не торопил: пускай подумает! И сам придёт к такому решению! Но он долго не размышлял.

— Да! Ты, пожалуй, прав!.. Не дай Бог, он к городу придёт и хоть один человек пострадает...

— Вот и ладно,— обрадовался я.— Собираем шмотки и через полчасика начинаем!

И мы начали! И продолжается это уже пятый день! Что мы только не выдумывали: и засады устраивали, и, разделившись на пары, пытались его загнать, и даже караулили его возле логова с останками его семьи! Видели его следы, знали, где он может быть, но найти не могли, он держался на расстоянии! Я не знаю, сколько бы это продолжалось, пока я в один прекрасный момент не догадался, что надо делать.

Когда пятый день подошёл к концу и наша дружная команда устраивалась на ночлег, разбирая надувные матрасы — в смысле того, что матрасы разбирали молодые, а мы с

Николаичем, как два дембеля, устраивались на двух имевшихся в наличии кроватях,— до меня дошло!

— Николаич, а я ведь знаю, что надо делать и как его взять!

— Ну, давай обрадуй, а то я, честно говоря, задолбался уже по лесам бегать!

— Вот смотри,— начал я.— Волк же за мной ходит! И в город он за мной прибежал, и из города за мной подался! А значит, я ему нужен! И пока кто-то будет рядом со мной, мы его не возьмём, не подойдёт он! Умный он, зараза!..

— Ты что это удумал? — забеспокоился приятель.— Ты давай-ка брось это!.. Ты что, блин?! Один, что ли, собрался идти?!

— Да, один! Иначе никак...

— Иначе никак...— задумчиво повторил Николаич и прислушался к тоскливому вою, доносящемуся из леса.

На следующее утро собирали меня всем колхозом. Как на войну! Николаич отрезал от брезента, который он всегда возил с собой на всякий случай, полоску шириной сантиметров семь-восемь и заставил меня намотать её себе на шею. Зачем, я спрашивать не стал — и так было понятно, было только немного обидно за то, что не я это придумал! На себя напялил тяжёлую куртку из толстого брезента, которая у Николаича была ещё с советских времён, поверх куртки — пояс с открытой кобурой, в которой покоился ПМ. И буквально перед самым выходом младшенький притащил два журнала и предложил примотать их скотчем так, чтобы они были немного выше запястья и не сковывали кисть.

— Может, передумаешь? — спросил приятель, когда всё было готово.— А то, не ровён час!.. И все приготовления не помогут!

— Да нет, пойду, пожалуй,— усмехнулся я.— А то, знаешь ли, плохо ему без меня, тоскливо.

— Мы следом потопаем, минут через десять!

— Нет, рано! Минут через двадцать, чтобы я успел от вас уйти хотя бы на километр.

— Лады,— буркнул Николаич.— Всё, давай топай!

И я потопал... Я шёл не торопясь, постоянно оглядываясь и прислушиваясь, но всё равно проглядел волка. Слишком уж много было в лесу мест, из которых можно было напасть! Да и охотник из меня был так себе! Никакой, одним словом, охотник! И когда я почти дошёл до полянки, где была убита его семья, он на меня напал. Зверь выпростался из-под небольшого куста, под которым он неподвижно лежал в высокой траве, и, ударив меня в грудь, опрокинул на спину! Всё это произошло

настолько неожиданно, что я выпустил из рук «Сайгу» и, выставив перед собой руки, заорал! Волк вцепился в них и начал яростно трясти головой, стараясь, видимо, оторвать кусок, но журналы ему так сразу не поддавались, и, пока волк был занят моей левой рукой, я правой вытащил пистолет и выстрелил ему в грудь. Волк взвизгнул и отскочил от меня в сторону. Я встал на колени и, подобрав «помпу», прицелился в волка. Но он больше не нападал. Я поднялся с колен и ещё несколько секунд целился в него, а потом опустил ружьё.

Волк стоял и дрожал крупной дрожью. Наконец лапы у него подломились, и он лёг на землю, потом вытянул перед собой передние лапы и, положив на них голову, замер. На меня он больше внимания не обращал, как будто бы я сделал то, что должен был сделать, и теперь стал для него неинтересен! Не совсем осознавая того, что я делаю, я подошёл и опустился рядом с ним на колени. Он никак не прореагировал на это, а только закрыл глаза. Я положил ладонь на его большую голову и почувствовал, как под моей рукой вздрагивает его тело. Он умирал, я знал это, и тогда я начал говорить! Услышав мой голос, волк открыл глаза, а я гладил его по голове и говорил! Я ему рассказал всё как было, я рассказал, что это не я убил его детей, не я застрелил его подругу, что я никогда бы этого не сделал... Наконец волчья голова под моей рукой вздрогнула последний раз и бессильно склонилась набок... Всё...

Минут через пятнадцать меня нашёл Николаич с сыновьями. Ничего объяснять им не надо было! Вот тело волка! Вот он я, живой и здоровый, всё ясно! Единственное, что было необычным в этой ситуации, так это то, что я закатил истерику и потребовал похоронить волка! Николаич, видимо, решил, что перечить убогому будет себе дороже, отправил младшего за лопатами, и уже через час, выкопав яму, мы сложили в ней останки волчьей семьи, а потом пристроили там же тело самого волка и закопали.

После этого случая прошло уже много времени. Мы продолжаем ездить отдыхать к этому озеру, но больше ни разу не встречали волков и даже ни разу не слышали их голосов, ни днём, ни ночью. Наверное, я убил последнего, кто жил в нашей округе! И мне хреново оттого, что это сделал именно я!